

УДК 82.09

ЛЕГЕНДАРНЫЕ МОТИВЫ В ЖИТИЯХ НОВГОРОДСКИХ И ВОЛОГОДСКИХ СВЯТЫХ (ПО РУКОПИСНОМУ СБОРНИКУ XVII ВЕКА РЫБИНСКОГО МУЗЕЯ-ЗАПОВЕДНИКА)

Е.А.Федорова (Гаричева)

LEGENDARY MOTIVES IN THE LIVES OF NOVGOROD AND VOLOGDA SAINTS (FOR MANUSCRIPT COLLECTION OF THE XVII CENTURY RYBINSK MUSEUM-RESERVE)

Е.А.Fedorova (Garicheva)

Ярославский государственный университет им. П.Г.Демидова, sole11@yandex.ru

Рассматриваются легендарные мотивы, которые объединяют жития новгородских и вологодских святых: искушения, указания на его предназначение, пророчество, наказание грешника, исцеление больного, заступничество Пресвятой Богородицы и Николая Угодника. В житиях XVII века проявляются особенности устного слова, диалогичность речи. Объединяет некоторые жития также метафора слепоты грешника и показана возможность его будущего преображения. Эти жития включены в сборник XVII века, который хранится в фондах Рыбинского музея-заповедника.

Ключевые слова: *агиографическая литература, легендарные сюжетные мотивы*

The article deals with the legendary motifs that unite the lives of Novgorod and Vologda saints: temptation, indicate its purpose, prophecy, the punishment of the sinner, healing the sick, the intercession of the Blessed Virgin Mary and Saint Nicholas. In the lives of the XVII century exhibit features spoken word, dialogue speech. It combines several lives as a metaphor for the blindness of the sinner and the possibility of its future transformation. These lives are included in the collection of the XVII century, which is stored in the collections of the Rybinsk Museum-Reserve.

Keywords: *hagiographic literature, the legendary story theme*

Рукописный сборник, который находится в фонде Рыбинского музея-заповедника, написан одним почерком — полууставом, вероятно, в 80—90-е годы XVII века. Размер книги — 21,9 x 15,9 см, бумага гладкая, с филигранями (герб Амстердама и другие изображения), переплет кожаный, местами потертый. Одна заставка книги утрачена, на второй — разрывы. В рукописи используются украшения: инициалы с орнаментальными отрезками, вязь в заголовках. На заднем форзаце владельческая надпись почерком XIX в.: «Сия богодухновенная книга нарицаемая Цветник деревни Полтинина Ивана Андреича Рылова». Но эта книга не является «Цветником», этот сборник близок к Минеи-Четьи, поскольку в него входят жития святых, дни памяти которых приходятся на сентябрь-декабрь, и к ним добавляются слова о праздниках этого периода.

В этот рукописный сборник входят жития св. Варлаама Хутынского, Антония Римлянина и св. Димитрия Прилуцкого, Кирилла Новозерского. Житие Димитрия Прилуцкого близко к Проложной редакции, но оно заканчивается Похвалой святителю Пахомия Логофета, которая есть во второй редакции, вошедшей в Великие Четьи Минеи митрополита Макария. Однако к житию данного рукописного сборника не прилагаются чудеса. «Житие Кирилла Белаго Нового чудотворца» завершается описанием 30 чудес. Житие Варлаама Хутынского близко ко второй редакции, но завершается описанием шести чудес, затем следуют «Слово по-

хвальное» и «Чудо новейшее об умершем отроке». «Житие и подвиги преподобного и богоносного Отца Нашего Антония Римлянина» включают в себя главы: «Чудо обретения бочки», «О создании церкви каменной», «О поставлении игуменом», «О преставлении».

Сопоставление житий новгородских и вологодских показывает, что их объединяют легендарные сюжетные мотивы. К ним можно отнести следующие: искушение святого, указание ему свыше на его предназначение (в том числе на будущую обитель), пророчество святого, наказание грешника, исцеление больного, заступничество Пречистой Богородицы и святых за грешников. Подобные мотивы встречаются в народных легендах, собранных А.Н.Афанасьевым [1].

Г.П.Федотов обратил внимание на общие легендарные сюжеты в житиях новгородских и ростовских святых и объяснил это влиянием более ранней новгородской агиографии или общими истоками древнерусской словесности, восходящими к иудейской литературе [2, с. 275-289]. По мнению исследователя, легендарные сюжеты отличаются своим происхождением: они приходят из предания или народной легенды, т.е. имеют фольклорные истоки.

А.А.Ухтомский, размышляя о роли легенды в русской культуре, связал этот жанр с особой формой выражения национального самосознания. Легенда создается в устной народной традиции, а затем уже записывается, она соединяет прошлое и настоящее

(служит интересам настоящего), закрепляет те духовные доминанты, которые будут переданы последующим поколениям. Легенда включает в себя историческое повествование и его поэтическую обработку [3, с. 29-33].

В житиях рукописного сборника XVII в. можно выделить фрагменты, написанные со слов, которые сохранили особенности устного слова, поскольку были недавно включены в жития.

Житие Антония Римлянина и чудо о воскресшем отроке, которым заканчивается Житие Варлаама Хутынского, отличаются диалогическим словом. Глава, повествующая о чуде обретения бочки, в Житии Антония Римлянина завершается рассказом о том, что братия стала приходить в монастырь, и включением автора в повествование: «мне недостойному священноиноку Андрею сподобил Бог воспринять ангельский образ в обители сей, быв в послушании и в учении преподобного». В главе «О преставлении преподобного» автор рассказывает, что ему, «окаянному», перед смертью исповедался преподобный. Андрей, новый игумен монастыря, включает в текст «слово» Антония: его рассказ о чудесах (пробытие на камне, чудо узнавания русского языка, чудо обретения бочки с драгоценностями), завещание святителя. Свое завещание Преподобный Антоний Римлянин заканчивает заповедями блаженства из Нагорной проповеди и указанием своего восприемника — духовного отца Андрея. Отсутствие чудес в конце этого жития объясняется тем, что оно написано сразу после успения святого.

В житии Антония Римлянина чудесный путь праведника от Рима до Новгорода на камне по морю объясняется тем, что святой отринул свою волю, приняв волю Божию. Устный рассказ передает видение святого: во время пути ему открылось, как из облака «умными очами» смотрела на него Пресвятая Богородица, держащая на своих руках «превечного младенца». Праведник в житии уподобляется Пречистой Богородице, которая также отрекается от своей воли. Это объясняет, почему Антоний Римлянин посвящает построенный им храм Рождеству Пречистой Богородицы.

В «чуде о воскрешении отрока» в житии Варлаама Хутынского воскресший слуга великого князя Василия Васильевича, Григорий, рассказывает свое видение: окружили его постель бесы, требуя его душу и предъявляя список его дурных дел, но явились Николай Чудотворец и светлые ангелы со списком его добрых дел. Добрых дел было больше, чем дурных, поэтому бесы рассеялись. А затем Григорий увидел много светлых мужей в белых ризах, белого ангела, который повел его на светлое место, где было много древ и цветов прекрасных. Увидел тогда Григорий идущего с посохом Варлаама Хутынского, такого же, как на иконе. Варлаам сообщил отроку, что не успел он прийти к нему на «исходе его души», и спросил его преподобный, где он хочет быть. Юноша ответил, что хочет быть здесь, в раю. Но Варлаам возразил ему, что ему нужно быть на земле, напоминая о скорби родителей, и предложил ему стать помощником

отрока и помолиться Николаю Чудотворцу вместе с ним.

Объединяет Жития Антония Римлянина и Варлаама Хутынского мотив заступничества: заступницей за Антония Римлянина становится Пречестная Богородица, за отрока и Варлаама Хутынского — Николай Чудотворец.

Мотив указания места обители также можно относить к легендарным. В житии Варлаама Хутынского рассказывается о строительстве церкви на месте «красном», которое озаряет «луч божественный», где преподобный одерживает победу над злыми силами. Варлаам Хутынский освящает ее престол в честь Преображения Господня. Кириллу Белозерскому свет указывает путь на север, в сторону Белозерска, где он и ставит свой храм Успения Пречестной Богородицы.

В житии св. Дмитрия Прилуцкого и Кирилла Белозерского есть чудо с общим сюжетом о некоей жене, которая хотела увидеть лицо святого, прельщенная рассказами о его красоте. Женщина проникла в келию святого, который готовился к богослужению, и была наказана: свет, исходящий от его ангельского лика, ослепил ее и лишил разума, привел к расслаблению. Святой, наказав «бесстыжую», прощает ее и исцеляет. В этом сюжете можно выделить три мотива: наказание грешницы, просветление святого неземным светом, исцеление больной грешницы. В обоих житиях раскрывается печаль праведника, который скорбит о том, что для «прельщенной жены» плотское важнее духовного. Лицо святого просветлено постом, т.е. духовное в нем одержало победу над плотским. Конфликт ценностей завершается в житии торжеством духовного: от болезни исцеляет «расслабленную» святой, она, пристыженная, возвращается домой уже другим человеком. Мотив духовного света, ослепляющего человека, восходит к евангельскому сюжету Преображения. Святитель Кирилл Белозерский и Дмитрий Прилуцкий идут «тесным и скорбным путем, взяв крест Господень на плечи свои», поэтому являют свою преображенную плоть. Но важно, что под воздействием святого грешный человек также оказывается на пороге преображения. Все указанные мотивы объединяет метафора слепоты грешника. Это и есть «поэтическая обработка» исторического повествования.

В Житиях Дмитрия Прилуцкого и Кирилла Белозерского успение святого сопровождается явлением его преображенной плоти: келья наполняется божественным благоуханием, а лицо и тело озаряются дивным светом.

Объединяет жития пророчества святых и подержание ими светской власти: Варлаам Хутынский говорит некоему новгородскому князю о рождении у него сына, Дмитрий Прилуцкий сообщает о кончине Дмитрия Донского, Кирилл Белозерский предрекает бездетной княжеской паре рождение у них наследника. Общими в житиях святых оказываются описания духовного общения преподобных с их современниками-праведниками: Антоний Римлянин молится вместе с Никитой Новгородским, Варлаам Хутын-

ский часто беседует с архимандритом Антонием, Дмитрий Прилуцкий и Кирилл Белозерский приходят для беседы к Сергию Радонежскому. Вероятно, в «смутное время» составителю рукописного сборника важно было показать путь общего спасения, основу которого составляет духовное преображение личности.

-
1. Афанасьев А.Н. Народные русские легенды. Новосибирск: Наука, 1990. 270 с.
 2. Федотов Г.П. Святые Древней Руси / Отв. ред.

А.В.Блинский. СПб.: Сатисъ, 2007. 300 с.

3. Ухтомский А.А. Значение легендарной поэзии в древнерусской литературе и жизни // Доминанта души. Рыбинск: Рыбинское подворье, 2000. С. 15-36.

References

1. Afanasyev A.N. Narodnie russkie legendi [Russian Folk Legends]. Novosibirsk, 1990. 270 p.
2. Fedotov G.P. Svyatie Drevney Rusi [Saints of Ancient Russia], edited by A.V.Blinsky. Saint Petersburg, 2000. 300 p.
3. Ukhtomsky A.A. Znachenie legendarnoi poezii v drevnerusskoi literaturе i zhizni [The value of the legendary poetry in ancient literature and life]. In: Dominanta dushi. Rybinsk, 2000, pp 15-36.